

Vestnik drevney istorii
76/2 (2016), 410–421
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/2 (2016), 410–421
© Автор(ы) 2016

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ Л.Л. КОФАНОВА «ЕЩЕ РАЗ О DISPUTATIO FORI И RESPONSА PRUDENTIUM: ОТВЕТ А.Л. СМЫШЛЯЕВУ» (ВДИ. 2015. № 4)

А. Л. Смышляев

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия
praeses51@mail.ru

Аннотация. В статье разбираются возражения Л.Л. Кофанова на критику его концепции о роли и месте римских юристов эпохи Республики. Автор стремится показать неубедительность этих возражений, поскольку они основаны на ошибочных представлениях о предмете полемики, некорректной аргументации, а также на произвольных неверных трактовках и переводах свидетельств источников и цитат из сочинений современных исследователей.

Ключевые слова: институт *ius respondendi*, *disputatio fori*, юристы, жрецы, ораторы, философы, народные сходки

A COMMENTARY ON L.L. KOFANOV'S PAPER "ONCE AGAIN ABOUT *DISPUTATIO FORI* AND *RESPONSA PRUDENTIUM*: IN REPLY TO A.L. SMYSHLYAEV" (VDI. 2015. 4)

Alexander L. Smyshlyayev

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
praeses51@mail.ru

Abstract. The author analyses L.L. Kofanov's objections to the criticism of his conception of the role of Roman jurists under Republic. The aim of the paper is to show inconsistency of these objections, founded on inaccurate presentation of the object discussed, incorrect argumentation and faulty interpretations and translations of some passages in sources and in modern research.

Keywords: *ius respondendi* as institution, *disputatio fori*, jurists, priests, orators, philosophers, *contiones*

Данные об авторе. Смышляев Александр Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

Я хотел бы поблагодарить прочитавших эту статью коллег и особенно Г.М. Кантора за ценные советы и замечания.

Признаться, я не собирался продолжать дискуссию о роли и образе действий римских юристов эпохи Республики¹. Мне казалось, что в своем критическом разборе концепции Л.Л. Кофанова я достаточно полно охарактеризовал ее сомнительные или просто неприемлемые положения. Однако, прочитав ответ на мою статью, я понял, что без комментария обойтись невозможно. Надеюсь, что читателям, взявшим на себя труд с ним познакомиться, будет понятно, почему я пришел к такому выводу.

В своей статье я стремился вести полемику максимально корректно, избегая всего, что могло бы обидеть или тем более оскорбить моего оппонента. Тем не менее он почувствовал себя обиженным и оскорбленным². Поскольку в самом тексте моей статьи нет ничего, что могло бы дать основания для этого, он нашел оскорбительный намек в моей ссылке на текст Полибия (I. 14), в котором критикуются историки, уподобившиеся влюбленным³. Для обоснования своего утверждения мой оппонент приводит длинную цитату из 14-й главы. Но начало этой главы, где речь идет об уподоблении пристрастных историков влюбленным, Л.Л. Кофанов в эту цитату не включил. Чтобы понять, почему так получилось, стоит обратиться к пропущенной моим оппонентом части текста: «Остановиться на этой войне побуждало меня, кроме вышесказанного, и то обстоятельство, что писавшие о ней Филин и Фабий, хотя и почитаются весьма сведущими историками ее, сообщают нам известия не вполне точные. Принимая, впрочем, во внимание жизнь их и настроение, я не думаю, что они намеренно говорили неправду; мне кажется, с ними случилось нечто подобное тому, что бывает с людьми влюбленными. Так, благодаря своему настроению и вообще благоговению к карфагенянам Филин находил все действия их разумными, прекрасными и великодушными, во всем этом совершенно отказывая римлянам. Фабий поступал наоборот» (пер. Ф.Г. Мищенко).

Именно этот текст я и имел в виду, ссылаясь на Полибия. Я не вижу в нем ничего обидного или оскорбительного⁴. Мне кажется, что сравнение с двумя выдающимися, хотя их труды и не были свободны от ошибок, античными историками вряд ли можно считать оскорблением.

Видимо, под воздействием этой придуманной обиды Л.Л. Кофанов, вместо того чтобы разобраться в аргументах оппонента и лишь затем определить, какие из них являются ошибочными, а какие можно принять, пошел по более простому пути, стремясь опровергнуть во что бы то ни стало любые критические замечания, а самые «неудобные» из них обойти молчанием. В результате, как будет показано ниже, он оспаривает не столько то, что утверждает его оппонент, сколько то, что он сам ему приписывает. Вместе с тем, не ограничиваясь опровержением доводов оппонента, он постоянно позволяет себе выпады личного характера, указывая, что тот «вводит... в заблуждение» (с. 243) или «дезинформирует читателей» (с. 252), «дает ложную информацию» (с. 242), «слабо знаком с современной литературой» (с. 244), совершает «грубые ошибки» (например, с. 246), трактует положения других исследователей «с точностью до наоборот» (с. 241).

¹ См. Kofanov 2014, 87–110; Smyshlyaev 2014, 110–129.

² Kofanov 2015, 240–241.

³ Smyshlyaev 2014, 128.

⁴ Ф. Уолбэнк отметил, что Полибий в виде исключения весьма сдержанно (in moderate terms) критикует Филина и Фабия. Это неудивительно, поскольку, по общему мнению, они были его единственными источниками по Первой Пунической войне (Walbank 1957, 64–65).

Приступая к критическому разбору моей аргументации, Л.Л. Кофанов указывает: «В своем ответе я буду опираться на факты из древних источников и на аргументацию современной историографии»⁵. Посмотрим, как у него это получилось.

ИНСТИТУТ IUS RESPONDENDI

Полемизируя со мной по поводу *ius respondendi*, Л.Л. Кофанов упускает из виду разницу между правом давать ответы (*ius respondendi*) и *институтом* (курсив мой. – А.С.) *ius respondendi*. Во многом это связано с неверным пониманием трактовки этого вопроса в классической «Истории римского правоведения» Ф. Шульца, что, в свою очередь, приводит к ряду недоразумений и главное – к подмене предмета полемики.

По мнению Ф. Шульца, и после введения Августом *ius respondendi ex auctoritate principis* никем не уполномоченные юристы могли по-прежнему свободно давать свои ответы *ex propria et privata auctoritate*. Следовательно, «*ius respondendi* существовало *не более* (курсив мой. – А.С.), чем право дышать (*A ius respondendi existed no more, than a right to breathe*)»⁶. Ясно, что здесь и речи нет об отсутствии у республиканских или имперских юристов права давать ответы (*ius respondendi*). Имеется в виду отсутствие *института* *ius respondendi*, т.е. исключительного права уполномоченных властными инстанциями юристов на предоставление ответов. Поскольку любой республиканский юрист, считавший себя достаточно подготовленным, мог давать правовые ответы (*responsa*) на вопросы магистратов, судей и тяжущихся, то, как считает Ф. Шульц, не приходится говорить о каком-то исключительном *ius respondendi*⁷. Именно поэтому, характеризуя деятельность республиканских юристов, он нередко упоминает их правовые ответы (*responsa*), но ни разу – *ius respondendi*.

Л.Л. Кофанов в своей статье, посвященной римским юристам, неверно перевел метафоричную фразу Ф. Шульца: «*Ius respondendi* существовало *не менее* (курсив мой. – А.С.), чем само право дышать». Исходя из этого, мой оппонент считает, что, по мнению Ф. Шульца, система *ius respondendi* была уже в эпоху Республики⁸. Причем в понимании Л.Л. Кофанова, эта система представляет собой то же самое, что и институт⁹ *ius respondendi*, поскольку соответствующим правом пользовались уполномоченные властными инстанциями юристы¹⁰.

Мои критические замечания о неправильном переводе фразы Ф. Шульца и связанном с этим неверном понимании его взглядов¹¹ Л.Л. Кофанов пытается опровергнуть довольно своеобразно. Он объявляет мой перевод ошибочным, но, «не

⁵ Kofanov 2015, 241.

⁶ Smyshlyaev 2014, 112; Schulz 1946, 113.

⁷ Для того чтобы лучше понять позицию Ф. Шульца, можно провести параллель с институтом *ius trium liberorum*. Каждый римский гражданин имел право завести троих и более законных детей, но институт *ius trium liberorum* появился лишь тогда, когда многодетные граждане были выделены Августом в особую привилегированную группу.

⁸ Kofanov 2014, 88.

⁹ Этот термин он не употребляет.

¹⁰ Kofanov 2014, 89 (речь идет об особой власти жрецов давать ответы в области права); 103 сл. (говорится о полученных от народа почетных должностях (*honores*), которые наделяли правом публично давать ответы).

¹¹ Smyshlyaev 2014, 112.

претендуя на глубокий филологический анализ текста» (с. 241)¹², вместо разбора моей ошибки и обоснования верности своего варианта перевода приводит в качестве доказательства «пересказ мнения Ф. Шульца в изложении Ф. Канчелли: “Право давать ответы означало не что иное как создавать юриспруденцию: Шульц сказал, что предоставлять юристу это *ius* означало то же самое, что и предоставлять право дышать”» (с. 241). Этот перевод требует небольшого уточнения, полностью меняющего смысл «пересказа»: «Право давать ответы означало *бы* (курсив мой. – А.С.) не что иное как (право) создавать юриспруденцию: Шульц сказал, что предоставлять юристу это *ius* означало *бы* (курсив мой. – А.С.) то же самое, что и предоставлять право дышать»¹³. Итак, «*ius respondendi*» точно так же не предоставлялось юристам, как и право дышать. Следовательно, пересказ Ф. Канчелли не опровергает, а подтверждает мой вариант перевода.

Из-за отождествления права давать ответы (*ius respondendi*) с институтом *ius respondendi*, Л.Л. Кофанов мое отрицание существования этого института в эпоху Республики рассматривает как отрицание самого права этих юристов давать ответы (*responsa*). Затем он демонстрирует полную абсурдность такой позиции с помощью цитат из работ известных современных романистов: А. Петруччи, Дж. Франчози и Р. Астольфи (с. 241–242). Этот список можно было бы значительно расширить, поскольку ни один современный исследователь (в том числе и я) не отрицает очевидного.

Говоря об отсутствии института *ius respondendi*, я имел в виду, что юристы времен Республики, дававшие правовые ответы (*responsa*), не были уполномочены на это никаким властным органом и не нуждались в подобных полномочиях. Если прочитать приведенные моим оппонентом цитаты из сочинений А. Петруччи, Дж. Франчози и Р. Астольфи, то можно убедиться, что все они придерживаются точно такого же мнения. Таким образом, они опровергают не мою позицию, а взгляды самого Л.Л. Кофанова.

Он является едва ли не единственным автором, утверждающим, что правовые ответы (*responsa*) давали юристы времен Республики, уполномоченные властными инстанциями¹⁴. Как я уже писал раньше¹⁵, это во многом обусловлено тем, что мой оппонент использует ошибочный вариант перевода фрагмента из сочинения Помпония, в котором говорится о *ius respondendi* (D. 1. 2. 2. 49): «...те (юристы времен Республики. – А.С.), кто был уверен в своих знаниях (*qui fiduciam studiorum suorum habebant*), давали ответы тем, кто спрашивал совета»¹⁶. Л.Л. Кофанов вслед за И.С. Перетерским в противовес общепринятому пониманию этого текста дает

¹² Непонятно, зачем для перевода простой фразы нужен «глубокий филологический анализ текста».

¹³ “Un diritto di rispondere sarebbe stato non altro che suscitare la giurisprudenza – direbbe Schulz che al giurista concedere quel *ius* sarebbe stato lo stesso che concedere il diritto di respirare...” (Cancelli 2010, 63).

¹⁴ См. выше, прим. 10.

¹⁵ Smyshlyaev 2014, 114.

¹⁶ Именно такой вариант перевода дается в переводах Дигест Юстиниана на новоевропейские языки. Ср. например: “...vielmehr erteilten diejenigen, die Zutrauen zu ihren Kenntnissen hatten, den Ratsuchenden Rechtsgutachten” (Behrends *et al.* 1995, 110); “...but the practice was that opinions were given by people who had confidence in their own studies” (Watson 1998, l.c.); “...bensì, coloro che avevano fiducia nei propri studi davano responsi a chi li consultava” (Schipani 2005, 92), а также в пересказе: “Pomponius tells us moreover, that everybody having confidence in their own expertise gave responses...” (Plisecka 2009, 379).

иной вариант перевода: «те, кто внушал доверие своими знаниями»¹⁷. Если принять этот вариант перевода, то можно предположить, что «внушающими доверие» признавались юристы, уполномоченные властными инстанциями «давать ответы». В то же время общепринятый вариант перевода полностью исключает такую трактовку.

В «Ответе А.Л. Смышляеву» мой оппонент приводит аргументы в подтверждение своего перевода. Они очень убедительны, но подтверждают не точку зрения Л.Л. Кофанова, а общепринятое понимание. Во-первых, он утверждает, что «выражение *habere fiduciam* + *gen.* может иметь не только значение “быть самоуверенным относительно чего-либо”, но также и значение “пользоваться у кого-либо доверием относительно чего-либо”» (с. 243). Однако никаких доказательств он не приводит¹⁸, а в подтверждение почему-то ссылается на выражение *non haberent fiduciam in populo*¹⁹ (*Gest. Pilat. 2. 3*) – «не пользовались доверием у народа». Целиком эта цитата из «Деяний Пилата» выглядит следующим образом: *quod pater tuus et mater tua Maria fugerunt in Aegyptum, eo quod non haberent fiduciam in populo*. Совершенно ясно, что Мария и Иосиф бежали в Египет не потому, что народ не доверял им, а потому, что они не доверяли народу. Именно такую трактовку можно найти во всех переводах на новоевропейские языки²⁰.

Точно так же разбор не усеченной и искаженной, а полной цитаты позволяет опровергнуть еще один приводимый Л.Л. Кофановым пример: «Древние считали, что “*fiduciam habet si quis honeste vivit*” (*Diff. ed. Beck p. 58, 24*), т.е. “доверием пользуется тот, кто честно живет”» (с. 243). А вот как это выглядит в оригинале в трактате «О различиях»: *Inter fiduciam et confidentiam hoc interest, quod confidentia est cum vitio temeritatis; fiduciam habet si quis honesta constantia vivit*, т.е. «Между верой в себя и самоуверенностью различие заключается в том, что самоуверенность связана с порочным легкомыслием, а если кто-либо живет с честным постоянством, он обладает верой в себя».

DISPUTATIO FORI

Л.Л. Кофанов переводит это словосочетание как «обсуждение на форуме»²¹. Я отметил, что почти все юристы предпочитают переводить его как «обсуждение в суде»²². В своем «Ответе...» мой оппонент указал, что это «совершенно не соответствует истине, особенно по отношению к рассматриваемому в моей статье фрагменту Помпония (*D. 1.2.2.5*)» (с. 243). Последнее замечание, признаюсь, поставило меня в тупик, поскольку это словосочетание встречается лишь однажды – в данном фрагменте Помпония.

Л.Л. Кофанов резонно обратил внимание на мою ошибку в трактовке цитаты из работы А. Петруччи²³. Действительно, я был не прав, поскольку итальянское слово *foro*, написанное со строчной буквы, может означать как «(Римский) форум», так и «суд». Возможно, А. Петруччи имел в виду первое значение, однако это требу-

¹⁷ Kofanov 2014, 88, прим. 6.

¹⁸ Я попытался сам отыскать их, но мне это не удалось.

¹⁹ Из чего следует, что *in populo* стоит в род.п., остается только гадать.

²⁰ Пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю благодарность Г.М. Кантору, обратившему мое внимание на это обстоятельство.

²¹ Kofanov 2014, 91.

²² Smyshlyayev 2014, 115.

²³ Smyshlyayev 2014, 115.

ется еще доказать, поскольку из контекста это никак не следует. Но даже если мой оппонент найдет доказательства, это не поможет ему опровергнуть мое замечание, поскольку, кроме А. Петруччи, никаких других исследователей, разделяющих его точку зрения, Л.Л. Кофанов не называет.

Далее он переходит к опровержению моего утверждения, «что юристы в отличие от ораторов предпочитают бурным дискуссиям форума удобные кабинетные кресла» (с. 243). Однако я ничего подобного не утверждал. У меня говорится о том, как представлял себе Цицерон римских юристов и себя в роли юриста после отхода от активной общественной деятельности²⁴. Разумеется, очень лестно, что меня перепутали с Цицероном, но все-таки я предпочитаю дискутировать по поводу того, что я действительно написал, а не того, что мне приписывает оппонент.

Характерным для полемического искусства моего оппонента является следующее «опровержение»: «Еще менее состоятельно утверждение о том, что “Красс упоминает только те (*responsa*), которые давались юристами дома”, ссылаясь при этом на все ту же мечту Красса (*Cic. De orat. I. 200*) о достойной старости юриста... В качестве примера такого дома Красс приводит дом Квинта Муция Сцеволы, “чрезвычайно слабое здоровье и очень преклонные годы” которого уже не позволяют ему выступать в сенате и на народных сходках» (с. 244). На самом деле, ссылаясь на трактат Цицерона (*De or. III. 133–135*), я писал: «Интересно также, что говоря о *responsa* Мания Манилия и юристов-понтификов, Красс упоминает только те, которые давались юристами дома *или во время прогулок по Римскому форуму* (курсив мой. – А.С.)»²⁵ А там, где в трактате Цицерона идет речь о доме Квинта Муция Сцеволы (*De or. I. 200*), разумеется, нет ни слова о том, что болезни и старость помешали ему выступать в сенате и на народных сходках.

В своей статье я отмечаю, что приведенное Л.Л. Кофановым известное свидетельство Цицерона (*Dom. 39*) о выступлении жрецов – знатоков авгурского права на народных сходках не может служить доказательством, что *все* (курсив мой. – А.С.) римские юристы постоянно выступали на народных сходках и обсуждали там свои *responsa*²⁶. Возражая на это замечание, он, в очередной раз подменяя предмет полемики, подробно и обстоятельно объясняет мне, как нерадивому первокурснику, что римские юристы нередко были жрецами (с. 244).

ЮРИСТЫ–ОРАТОРЫ

В ответ на мое замечание, что в научной литературе это словосочетание мне никогда не встречалось²⁷, Л.Л. Кофанов констатировал, что я слабо знаком с современной литературой по этому вопросу и сослался на М. Бретоне, «который именно в связи с осмыслением трактата Цицерона “Об ораторе” пишет, что хотя в I в. до н.э. уже имело место разделение между юристом и оратором, политиком и ученым, однако “правлящее римское сословие”, проявлявшееся в таких людях, как Л. Лициний Красс и Цицерон, стремилось к их единению. “Согласно этой модели, – пишет он далее, – оратор является также и юристом (а юрист – оратором), и философом, и правителем, и авторитетным охранителем традиций”» (с. 244).

Здесь в очередной раз можно видеть подмену предмета полемики. Вместо того чтобы назвать исследователей, которые используют в своих трудах это словосоче-

²⁴ Smyshlyaev 2014, 116.

²⁵ Smyshlyaev 2014, 119.

²⁶ Smyshlyaev 2014, 120.

²⁷ Smyshlyaev 2014, 120.

тание, дается ссылка на работу, в которой такая терминология вообще не используется. М. Бретоне пишет об идеальной модели, которая на практике представляется ему иллюзорной²⁸. Ведь эта идеальная модель сложилась в I в. до н.э., когда уже произошло разделение между юристом и оратором²⁹.

Именно поэтому М. Бретоне, различая, в отличие от Л.Л. Кофанова, идеал и действительность, не причисляет, как и большинство романистов, Красса Оратора³⁰, М. Теренция Варрона и Цицерона к юристам³¹. Такая позиция большинства современных исследователей во многом обусловлена взглядами самих римских юристов. Помпоний в своем «Энхириди», называя всех сколько-нибудь известных своих предшественников, не причисляет к ним ни Цицерона, ни Варрона, а Красса Оратора путает с юристом II в. до н.э. Публием Лицинием Крассом Муцианом (D. 1. 2. 2. 40)³². Когда к Аквилию Галлу обращались с вопросами, касающимися фактической стороны дела, он имел обыкновение отвечать: «К праву это не относится. С этим – к Цицерону»³³. В свою очередь римские ораторы I в. до н.э. нередко свысока относились к юристам, что особенно характерно для Цицерона, самого известного их представителя³⁴.

Л.Л. Кофанов приписывает одному из персонажей трактата «Об ораторе» Крассу Оратору мнение, что «юрист – это всегда оратор, а оратор – это всегда юрист» (с. 246 и прим. 50). Однако в цитируемом фрагменте ничего подобного нет. Другой персонаж трактата оратор Антоний, обращаясь к Крассу, говорит: «Ибо, если бы ты стал утверждать, что знаток права – это всегда оратор, а равно и оратор – это всегда и знаток права, ты бы этим установил и высочайшее значение обеих наук, и взаимное их равенство, и совместное их достоинство. Но ты признаешь, что законоведом возможно быть и без того красноречия, которое мы исследуем, и что таких законоведов было очень много; а что возможно быть оратором без изучения права, это ты отрицаешь. Стало быть, сам по себе законовед – это для тебя всего-навсего какой-то дотошный и хитрый крючкотвор, огласитель жалоб, начетчик и буквоед...» (пер. Ф.А. Петровского)³⁵.

В «Диалоге об ораторах» Тацита (36. 5) Л.Л. Кофанов находит указание на то, что во времена Цицерона ораторы-политики и юристы даже по сложении власти «направляли сенат и народ своими советами и своим авторитетом» (с. 248

²⁸ Secondo questo modello “umanistico” (che doveva rivelarsi illusorio nella sua portata pratica, e acquistare rigidzze scolastiche), l’oratore è anche giurista (Bretone 1982, 85). Л.Л. Кофанов не упоминает об этой немаловажной оговорке.

²⁹ Bretone 1982, 84.

³⁰ Как отметил Р. Бауман, большинство романистов не считают Красса Оратора юристом (Bauman 1983, 341).

³¹ Л.Л. Кофанов утверждает обратное, но при этом ссылается почему-то не на отдельные страницы текста, а на именную указатель или на целые разделы монографии М. Бретоне (Kofanov 2015, 245, прим. 42, 45).

³² Kunkel 1952, 13; Bauman 1983, 304, 342 ff.; cp. Schulz 1946, 45.

³³ Cic. *Top.* 12. 51: ‘Nihil hoc ad ius; ad Ciceronem,’ inquebat Gallus noster, si quis ad eum quid tale rettulerat, ut de facto quaereretur.

³⁴ Schulz 1946, 44 f.; García Garrido 2005, 90–92.

³⁵ Cic. *De orat.* I. 236 : Nam, si ita diceret, qui iuris consultus esset, esse eum oratorem, itemque qui esset orator, iuris eundem esse consultum, praeclaras duas artis constitueres atque inter se paris et eiusdem socias dignitatis. Nunc vero iuris consultum sine hac eloquentia, de qua quaerimus, fateris esse posse, fuisseque plurimos; oratorem negas, nisi illam scientiam adsumpserit, esse posse. Ita est tibi iuris consultus ipse per se nihil nisi leguleius quidam cautus et acutus, praeco actionum, cantor formularum, auceps syllabarum.

и прим. 68). Эта сноска оказалось столь же «точной», что и предыдущая. Тацит в данной главе говорит только об ораторах, ни единым словом не упоминая юристов.

Таким образом, ни в источниках, ни в научной литературе мы не находим ни юристов–ораторов I в. до н.э., ни оснований для того, чтобы ввести этот термин в употребление.

В своей полемической статье я оспаривал трактовку Л.Л. Кофановым одного из выступлений Красса Оратора в трактате «Об ораторе» (III. 122–123). В нем упоминаются некие «досужие люди» (*homines... abundantes otio*), «ограбившие» Красса и его коллег. По мнению моего оппонента, здесь подразумеваются ораторы, «ограбившие» юристов³⁶. Я предположил, что речь идет о философах, «ограбивших» ораторов³⁷. Л.Л. Кофанов в своем «Ответе...» объявил это грубой ошибкой, поскольку, как он теперь утверждает, имеются в виду риторы, «ограбившие» ораторов (с. 247).

На мой взгляд, ошибочны оба мнения моего оппонента. Ведь Красс причисляет к потерпевшим от «грабежа» не только ораторов, но и риторов: «...Нам, говорю я, принадлежит вся эта область знания и науки, в которую, точно в бесхозьянную и пустую, вторглись, когда мы были погружены в занятия, досужие люди, издеваясь и высмеивая ораторов, подобно Сократу в “Горгии”, и даже осмеливаясь учить нас нашему же ораторскому искусству своими книжонками по “Риторике”, как будто все то, что они говорят о справедливости, о долге, об устройстве и управлении государств, о всех законах жизни и самой даже природы, *не является достоянием риторов* (курсив мой. – А.С.; пер. Ф.А. Петровского с незначительной правкой)»³⁸.

Кроме того, непонятно, почему Красс называет риторов «досужими людьми»³⁹, почему они в своих трактатах издеваются над ораторами и высмеивают их и почему в качестве примера такого трактата приводится сочинение Платона, а не какого-нибудь учителя риторики. Антоний называет философов людьми, которые стремятся все присвоить и все сделать своим⁴⁰. Красс вспоминает о своем знакомстве в Афинах с философами, которые «все... в один голос отстраняли оратора от кормила правления, оттесняли от всякой учености и высшего знания и загоняли его и затискивали, словно в какую мукомольню, только в одни суды и мелкие сходки» (пер. Ф.А. Петровского)⁴¹. В качестве авторов сочинений по риторике Красс упоминает Аристотеля и Феофраста (*De orat.* I. 55). По мнению А.С. Уилкинса, именно они подразумеваются под теми, кто ограбил ораторов⁴².

³⁶ Kofanov 2014, 105.

³⁷ Smyshlyayev 2014, 121.

³⁸ Cic. *De orat.* III. 122: ...nostra est, inquam, omnis ista prudentiae doctrinaeque possessio, in quam homines quasi caducam atque vacuum abundantes otio, nobis occupatis, involaverunt atque etiam aut inridentes oratorem, ut ille in Gorgia Socrates, cavillantur aut aliquid de oratoris arte paucis praecipiant libellis eosque rhetoricos inscribunt, *quasi non illa sint propria rhetorum*, quae ab eisdem de iustitia, de officio, de civitatibus instituendis et regendis, de omni vivendi denique etiam de naturae ratione dicuntur.

³⁹ «Досужими людьми» римляне старого закала считали философов, которые вместо занятия политикой или судебными делами посвящали все свое время отвлеченным мудрствованиям. В трактате «Об ораторе» (I. 219) Антоний называет философию занятием, на которое приходится потратить всю свою жизнь даже самым одаренным и *досужим* (курсив мой. – А.С.) людям. Итак, философы – это *homines otiosissimi*.

⁴⁰ Cic. *De orat.* I. 217: philosophi... omnia sicut propria sua esse atque a se possideri volunt.

⁴¹ Cic. *De orat.* I. 45: ...a quibus omnibus una paene voce repelli oratorem a gubernaculis civitatum, excludi ab omni doctrina rerumque maiorum scientia ac tantum in iudicia et contiunculas tamquam in aliquod pistrinum detrudi et compingi videbam.

⁴² Wilkins 1892, 67, n. 3. Cp. Wisse 2002, 394 f.

В своей статье, посвященной *disputatio fori*, Л.Л. Кофанов, доказывая свой тезис о принципиальном сходстве институтов частного и публичного права, проводил параллель между промежутком времени, именуемым *trinundinum* и так называемыми 30-ю законными днями (*XXX dies iusti*). По его мнению, народные сходки (*contiones*) в течение трех нундин или 30 законных дней⁴³, трижды созывавшиеся на форуме, использовались не только в сфере государственного, но и в сфере частного права⁴⁴. Я отметил, что эта параллель не корректна, поскольку срок *trinundinum* фигурирует в источниках только в связи с институтами публичного права, а 30 законных дней (или просто 30 дней) – в связи с институтами частного права⁴⁵.

В своем «Ответе...» мой оппонент упрекнул меня в том, что я игнорирую приведенные им «прямые данные источников» о том, что нундины использовались для того, чтобы сельчане в эти дни могли улаживать свои тяжбы друг с другом (с. 249, прим. 70). То, что в ярмарочные дни (нундины) разбирались тяжбы, давно и широко известно. Непонятно только, какое отношение это имеет к промежутку времени *trinundinum*. В источниках нет ни одного упоминания, что разбор тяжб занимал по времени именно три нундины. Поэтому «прямые данные источников», на которые ссылается Л.Л. Кофанов, не имеют никакого отношения к предмету нашей полемики.

Столь же слабо связано с ним другое возражение, которое выдвинул мой оппонент в ответ на мою критику. Он указал, что согласно Законам XII таблиц неоплатный должник в течение 60 законных дней содержался в доме кредитора и трижды в нундины приводился к претору на форум. Если примирения с кредитором за это время достичь не удавалось, должника должны были казнить или продать в рабство за Тибр. Поскольку по Законам XII таблиц римского гражданина нельзя было казнить без суда народа, то по истечении 60 дней должника должны были предать этому суду, хотя в источниках прямых указаний на это нет. Таким образом, срок в 60 законных дней (или просто 60 дней) был связан как с институтами частного, так и публичного права (с. 249).

Эти соображения представляются мне вполне резонными, но непонятно, какое отношение они имеют к сроку в 30 законных дней и к вопросу о принципиальном сходстве институтов частного и публичного права. Чтобы обосновать на этом примере свой основной тезис, Л.Л. Кофанову придется доказать, что *trinundinum* мог занимать не только 30, но и 60 дней, что, разумеется, невозможно.

Далее Л.Л. Кофанов в доказательство своей концепции приводит множество разного рода свидетельств источников. У всех них есть лишь одна общая черта – они не имеют никакого отношения к обсуждению юристами на народных сходках судебных казусов, связанных с тяжбами частных лиц.

⁴³ Как убедительно доказал Э. Линтот, «три нундины» невозможно отождествлять с «30 законными днями» (Lintott 1965, 281 ff.). Ср. Michels 1967, 191 ff.

⁴⁴ Kofanov 2014, 95–97.

⁴⁵ Smyshlyaev 2014, 124–125.

ВНЕСЕНИЕ РИМСКИМИ ГРАЖДАНАМИ ПОПРАВОК
В ТЕКСТ ЗАКОНОПРОЕКТОВ
ВО ВРЕМЯ ИХ ОБСУЖДЕНИЯ НА НАРОДНЫХ СХОДКАХ

В отличие от остальных исследователей Л.Л. Кофанов считает, что вносить в законопроект дополнения и изменения могли не только сенаторы, но и рядовые граждане во время его обсуждения на народных сходках. Только после внесения этих поправок текст законопроекта принимал окончательный вид и представлялся на утверждение народного собрания⁴⁶. Таким образом, окончательная фиксация текста законопроекта происходила не тогда, когда его выставляли на форуме для обсуждения на народных сходках, а после этого обсуждения.

Как представляется, эта концепция прямо противоречит данным источников. Второй текст законопроекта ни разу не упоминается в наших источниках, которые вовсе не были скудными (по крайней мере, в том, что касалось I в. до н.э.). Кроме того, известно, что на основании *lex Licinia Iunia* 62 г. до н.э. магистрат должен был передавать в эрарий текст законопроекта, прошедший обсуждение в сенате и вывешенный на форуме для обсуждения на народных сходках, «демонстрируя таким образом окончательный характер архивированного текста, вероятно, чтобы избежать фальсификации»⁴⁷.

Не располагая прямыми свидетельствами о существовании второго текста, Л.Л. Кофанов пытается оперировать косвенными. Он старается доказать, что обнародование законопроекта (*promulgatio*) было не единовременным, а длительным актом и по времени совпадало со сроком обсуждения законопроекта на народных сходках⁴⁸. Мой оппонент упрекает меня в том, что я не заметил или предпочел не заметить приведенные им свидетельства источников, «в которых со всей очевидностью говорится о том, что обсуждение законопроектов происходило не после, а во время *promulgatio*» (с. 253). Действительно, на основании имеющихся свидетельств можно констатировать, что обнародование (*promulgatio*) рассматривалось и как единовременный акт, и как определенный временной промежуток, в течение которого на народных сходках шло обсуждение законопроектов⁴⁹. Однако из этого вовсе не следует со всей очевидностью, что обнародование было длительным актом. Вряд ли вообще можно назвать очевидным то, что из множества занимающихся этим вопросом исследователей заметил один единственный. Просто на основании имеющихся свидетельств можно сделать и другой вывод, лучше согласующийся с остальными свидетельствами по этой проблеме. Скорее всего, слово *promulgatio* могло иметь два разных значения: и собственно обнародование, и тот срок, в течение которого происходило обсуждение законопроекта после его обнародования⁵⁰.

В доказательство своей концепции Л.Л. Кофанов приводит многочисленные свидетельства о поправках, вносившихся в законопроекты во время их обсужде-

⁴⁶ Kofanov 2014, 92–94.

⁴⁷ Moreau 2004, 155.

⁴⁸ Kofanov 2014, 93–95; 2015, 253.

⁴⁹ Возможно, второе значение связано с тем, что первоначально рогатор зачитывал текст законопроекта в каждый из трех рыночных дней (*nundinae*) и лишь позднее стали ограничиваться вывешиванием текста законопроекта за три рыночных дня до его вынесения на утверждение народным собранием (Lintott 1965, 285).

⁵⁰ Точно так же и слово *trinundinum* означало одновременно и «три рыночных дня», и промежуток времени, включающий в себя три рыночных дня.

ния на народных сходках, и приходит к выводу, что «что вся античная традиция... ничуть не сомневалась в факте обсуждения законопроектов на народных сходках и внесения в них необходимых поправок» (с. 254). Он выражает сожаление, что я не разделяю эту убежденность.

Должен сказать в свое оправдание, что я не вижу причин сомневаться в данных античной традиции, но на основании этих данных я склоняюсь не к тем выводам, которые сделал Л.Л. Кофанов, а к тем, к которым пришли Т. Моммзен и Ф. Моро⁵¹. Если на народных сходках к законопроекту было сделано много поправок, то у рогатора оставалось два выхода. Он мог внести свой законопроект без учета поправок на утверждение народного собрания, рискуя, что его отвергнут. Либо он мог включить эти поправки в текст, но в этом случае представить его заново на обсуждение сената и народа уже в качестве нового законопроекта. Такая концепция гораздо лучше соответствует имеющимся данным, чем концепция Л.Л. Кофанова.

Подводя итоги, я могу констатировать, что в отношении взглядов Л.Л. Кофанова на юристов эпохи Республики остаюсь при своем прежнем мнении и вместе с тем – что у моего оппонента весьма своеобразные представления и о «фактах из древних источников», и об «аргументации современной историографии».

Литература / References

- Bauman, R.A. 1983: *Lawyers in Roman republican politics: A study of the Roman jurists in their political setting, 316–82 BC*. München.
- Behrends, O., Knütel, R., Kupisch, B., Seiler, H.H. (Hrsg.) 1995: *Corpus Iuris Civilis. Text und Übersetzung*. Bd. II. *Digesten 1–10*. Heidelberg.
- Bretone, M. 1982: *Tecniche e ideologie dei giuristi romani*. Napoli.
- Cancelli, F. 2010: *La codificazione dell'edictum praetoris: dogma romanistico*. Milano.
- García Garrido, M.J. 2005: *Rimское частное право: казусы, иски, институты*. (Пер. с исп.; отв. ред. Л.Л. Кофанов) [*Derecho privado romano. Casos, acciones, instituciones*]. Moscow.
- Гарсиа Гарридо, М.Х. *Римское частное право: казусы, иски, институты*. (Пер. с исп.; отв. ред. Л.Л. Кофанов). М.
- Kofanov, L.L. 2014: *Rol' responsa rimskikh yuristov v disputatio forensis v rimskoy grazhdanskoy obshchine V–I vv. do n.e.* [The Role of *responsa* of Roman Jurists in the *disputatio forensis* of Roman Civil Community in the 5th –1st Centuries BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 87–110.
- Кофанов, Л.Л. Роль *responsa* римских юристов в *disputatio forensis* в римской гражданской общине V–I вв. до н.э. *ВДИ* 4, 87–110.
- Kofanov, L.L. 2015: *Eshche raz o disputatio fori i o responsa prudentium: otvet A.L. Smyshlyaevu* [Once again about *disputatio fori* and *responsa prudentium*: in Reply to A.L. Smyshlyayev]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 240–256.
- Кофанов, Л.Л. Еще раз о *disputatio fori* и о *responsa prudentium*: ответ А.Л. Смышляеву. *ВДИ* 4, 240–256.
- Kunkel, W. 1952: *Herkunft und soziale Stellung der römischen Juristen*. Weimar.
- Lintott, A. 1965: 'Trinundinum'. *The Classical Quaterly* 15, 281–285.
- Michels, A.K. 1967: *The Calendar of the Roman Republic*. Princeton.
- Moreau, F. 2004: *Sublata priore lege. Otvod rogationes kak sposob vneseniya popravok k zakonodatel'nym proektam v kontse Respubliki* [*Sublata priore lege. Rejection of the rogationes as a Way of Amending Legislative Bills in the Late Roman Republic*]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 154–166.
- Моро, Ф. *Sublata priore lege*. Отвод *rogationes* как способ внесения поправок к законодательным проектам в конце Республики. *ВДИ* 4, 154–166.
- Plisecka, A. 2009: The Roman Jurists' Law during the passage from the Republic to the Empire. *Jahrbuch Junge Rechtsgeschichte* 4, 372–392.

⁵¹ Moreau 2004, 154–166.

- Schipani, S. (a cura di) 2005: *Iustiniani Augusti Digesta seu Pandectae. Digesti o Pandettae del'Imperatore Giustiniano. Testo e Traduzione. I. 1–4*. Milano.
- Schulz, F. 1946: *History of Roman Legal Science*. Oxford.
- Smyshlyaev, A.L. 2014: Eshche raz o *responsa* rimskikh yuristov i *disputatio fori* [Ones more on *responsa* of Roman Jurists and *disputatio fori*]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 110–129.
- Смышляев, А.Л. Еще раз о *responsa* римских юристов и *disputatio fori*. *ВДИ* 4, 110–129.
- Walbank, F.W. 1957: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I. *Commentary on Books I–VI*. Oxford.
- Watson, A. (ed.) 1998: *The Digest of Justinian*. Vol. 1. Philadelphia.
- Wilkins, A.S. 1892: *Cicero: De Oratore I–III. Liber III*. Oxford.
- Wisse, J. 2002: *De oratore: Rhetoric, Philosophy and the Making of the Ideal Orator*. In: J.M. May (ed.), *Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric*. Leiden–Boston–Köln.